

Сегодня

Соб. интервью. — 1987 — 11 мес. — С. 4-5

Юрий Григорович,
народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда

Балетная труппа Большого театра прославлена, любима в нашей стране и за рубежом, но это не избавляет ее от своих задач и своих проблем. О них корреспондент «СК» беседует с главным балетмейстером театра.

Корреспондент: Позвольте мне начать с вопроса, который относится не только к балету. Все театралы обеспокоены сообщением о закрытии на ремонт Большого театра, их волнует: что предстоит театру и что ожидает публику?

Григорович: Да, видите, как мы всех опередили, — начинаем перестройку в буквальном смысле слова. Наконец-то принято долгожданное решение о капитальном ремонте и реконструкции здания Большого театра. Предварительная часть работ должна проводиться прямо сейчас — с июня до октября. Потом театр откроется, будет давать спектакли до конца сезона и вновь закроется в 1988 году, наверное, уже на 2—3 года. Но это не означает, что прекратятся выступления труппы. В том же 1988-м мы получаем тоже долгожданный наш филиал; там наряду с Кремлевским Дворцом съездов и будут идти оперные и балетные спектакли Большого театра. Передаются нам и некоторые другие помещения рядом с театром, где разместятся репетиционные залы.

Так что процесс обновления, который происходит во всей стране, несет нам решение кардинальных проблем, давно наболевших, но которые не могли быть решены театром самостоятельно. Правда, руководство театра весьма обеспокоено тем, что проект реконструкции поручен мастерской «Моспроект-2», той самой, чья работа над «Новой Третьяковкой» окончилась самым печальным образом. Понятно, что иные проблемы еще остаются. Одна из них, тоже общетеатральная и тоже требующая помощи, — это работа художественно-производственных мастерских, единственных в своем роде, где работают неповторимой квалификации мастера, и делают они уникальные, я бы сказал, «штучные» вещи. Однако сейчас они находятся в рамках такого плана, что он невыполним без сторонних, оптовых заказов. Коллектив мастерских вынужден отвлекаться на них, вместо того чтобы заниматься только спектаклями театра. Дирекция театра считает также, что было бы целесообразным и создание специального ПТУ при мастерских для подготовки истинных мастеров театрального дела.

Коснусь еще одной проблемы: в Большом уже больше года нет главного дирижера, что создает немалые трудности. Но на такой пост нужна достойная кандидатура, а кроме того, нужно согласие избранного кандидата. Сочетание этих двух требований делает проблему сложной и оставляет ее пока нерешенной. Но есть задачи и вопросы, которые всецело, как говорится, в наших руках. И здесь главное определил бы одним словом: качество. И в опере, и в балете. Естественно, это всегда было в центре внимания. Но сейчас сам дух времени заставляет и позволяет взглянуть новыми глазами на качество репертуара и каждого спектакля, на качество кадров и исполнения, на качество в конце концов и состояние штатного расписания, по крайней мере в балете, где, на мой взгляд, есть настоятельная необходимость его пересмотреть.

Корреспондент: По каждой из этих проблем у меня возникают свои вопросы к вам как к руководителю балетной труппы. Но начать, по моему, следует с состава труппы. Не так давно я был на концерте солистов балета ГАБТа в Зале имени Чайковского. Наряду с молодежью выступали и мастера, которыми в свое время все мы так восхищались. А сейчас, глядя на них, я с болью думала, как короток балетный век, как жестока природа, что было особенно заметно в соседстве с молодыми, и зачем они, любимые всеми артисты, своими руками зачеркивают сделанное ими прежде? И не только в концертах, но и на самой сцене Большого. Мне могут сказать, что я не гуманна, говоря так, но мне кажется верным суждением Александра Свободина в его статье в «Советской культуре»: а разве «нравственно, гуманно недоувадать искусство тому, ради кого и существует это учреждение — театр!» А ведь в Большом театре, увы, есть именитые артисты, находящиеся сегодня в форме, для них стократ недопустимой.

Григорович: Что я могу сказать? Увы, только согласиться со справедливостью ваших слов, подчеркнув лишь, что артисты, которых вы имеете в виду, и другие их сверстники-солисты внесли огромный вклад в развитие советского

надо работать!

балета, они — его гордость и слава, я много с ними работал и работал с удовольствием. Но время летит... «Балет — искусство молодости» — это не просто образное выражение, а факт, со временем становящийся для танцовщика печальным. По-человечески это так понятно. Уход со сцены — момент в жизни очень сложный и болезненный, и чем больше была слава, тем труднее такой поворот. Но чем дальше, тем больше спектаклей выпадает из репертуара артиста, он уже не может физически их танцевать. И в репертуаре остаются лишь два-три названия, а у некоторых вообще только выступления в концертах. Получается, что за сезон (а это 9—10 месяцев) человек выступает всего 6—8 раз при почти 40 названиях в репертуаре.

Корреспондент: При зарплате... Простите за вопрос!

Григорович: У народных артистов СССР — 550 рублей в месяц. Я понимаю, мы должны быть бережны к ветеранам. Но как? В балетных спектаклях ведь почти нет возрастных ролей. И невозможно настаивать, чтобы современные хореографы их создавали на том лишь основании, что нужно занять артистов, вышедших из формы. К тому же у всех наших народных совсем иное амплуа, они занимают положение премьеров и должны по статусу танцевать партии героев. На самом же деле весь основной репертуар давно ведет молодежь, прославленная уже в мире. Не буду перечислять — имена новых звезд каждому известны. Но по штатному расписанию они занимают совсем не то положение, которое им подобает. Нам некуда их продвинуть. Это проблема из проблем.

В разрешении ее сделан пока первый шаг вперед. Сейчас по истечении 20 лет работы в театре (это и есть балетный пенсионный срок независимо от возраста) любой танцовщик, включая народного артиста РСФСР, обязательно выводится на пенсию, но с ним при необходимости может быть заключен договор на определенный срок. Однако это не касается народных СССР. У театра по отношению к ним нет никаких прав, что создает немалые трудности.

Корреспондент: Но может помочь дружеский совет, благотворительная подсказка?

Григорович: На эту тему уже точно высказался режиссер Марк Захаров: хрупкий актерский организм далеко не всегда воспринимает это как дружеский совет. И тогда возникает «энергия ответных мер», ведущая, в чем я уже сам мог убедиться, к междоусобной «холодной» войне. Здесь очень важна была бы роль общественных организаций театра, которые помогали бы воспитывать новое сознание, новую актерскую психологию, более высокую, чем прежде, ответственность актера перед искусством.

Корреспондент: Мне вспоминается услышанное однажды по телевидению высказывание одного из актеров об устарелости балетов Большого театра. Как вы относитесь к этому?

Григорович: Любой человек вправе высказать свое мнение. Но сейчас, когда в стране проис-

ходит обновление, некоторые стремятся поскорее стать такими новаторами в искусстве, в пылу вения отрываются от традиций, от школы, воспитавшей нас. Противопоставляются системы классического танца и танца модерна. Последний видится теперь гарантией новаторства. Но, к сожалению, нет таких систем, жанров, приемов, которые сами по себе гарантировали бы: воспользуйся ими, и будет спектакль — современный, новаторский, талантливый. Как во все времена, талант самого хореографа решает все. Истинный художник берет любые средства, новые и не очень новые, но те, которые наиболее точно выразят его идеи. В этом суть. Фетишизация того или иного вида танца (а их немало) нелепа, особенно когда все ратуют за демократизацию.

Некогда шла дружная борьба против танца модерна и подобных ему систем. Теперь стрелы направлены против классики. Что же изменилось? Слагаемые поменялись местами. И все! Эстетическое же сознание по-прежнему в плену недемократичных представлений, что должна быть гегемония одного направления за счет ущемления других. Классика ли, модерн или что-то еще иное — равноправные системы танца. Да, они возникли в разные века и годы, но ни за одной из них нет приоритета новаторства как обязательного атрибута. Они все незащитные, они все обновляемые. Что выбрать, каждый хореограф решает сам.

...Олег Виноградов, Дмитрий Брянцев ставят «Гусарскую балладу», которая была перенесена в Большой театр из Ленинграда, в эстрадно-комедийном стиле. Андрей Петров в «Эскизах» использует гротеск, свободную пластику. Владимир Васильев в «Макбете», «Аноте» возрождает жанр хореодрамы или драмбалета. Это их право. В данном случае они — мои коллеги, хореографы, и у меня не может быть права вмешиваться в их решения, хотя я и руковожу труппой. А мои спектакли — это мое право выбора. Я — ученик своих учителей. Для меня основа — классическая система, самая универсальная, как показывает история, легко впитывающая разные влияния, способная быстро обновляться и потому сохраняющая свою вечную притягательность. В разные периоды классический танец имел разный облик, достаточно сравнить сегодняшние балеты, к примеру, со «Спящей красавицей».

Корреспондент: Был бы мнение, что получить право на постановку в Большом театре очень трудно. Как вы это расцениваете?

Григорович: А разве должно быть иначе? Это ведь неординарный театр, хотя и здесь не все спектакли равноценны. И нужна борьба за качество. Так что трудно и должно быть. И тем не менее вот хотя бы за то время, что я здесь главным балетмейстером, на сцене Большого работали 22 хореографа: от выдающегося мастера Касьяна Голейзовского до начавших только сегодня пробовать силы в сочинении танца Юрия Ветрова, Василия Ворохобко. Причем на счету у некоторых по несколько постановок. У Майи Плисецкой — 3, у Владимира Васильева — 5 (в их числе две редакции «Икар»), у Андрея Петрова — 4.

Корреспондент: Предпочтение, я вижу, отдаете все-таки артистам Большого?

Григорович: Ну в какой-то мере это естественно. Но можно назвать и других. Скажем, в этом сезоне на афише Большого — около десятка разных балетмейстерских имен. Мы приглашаем ставить не только спектакли, но и концертные номера, в частности, для многочисленных конкурсов. Ставили у нас Борис Мягков, Вахиль Усманов. Для последнего конкурса в США нашим артистам Нине Ананашвили и Андрису Лиене поставил номер Валентин Елизарьев. Этот номер они с успехом танцуют сейчас на наших концертах.

Мы работаем по пятилетнему плану, который обсуждается художественным советом. В столь многочисленном и многосоставном коллективе, каковым является наш театр, без такого плана невозможно скоординировать, сбалансировать, взаимосвязать работу всех подразделений и служб. Когда же сверх этого плана появляется чья-то неожиданная заявка, не всегда удается немедленно дать ей ход. Срок ее исполнения отодвигается. Но бывает, что и театр «раздвигает» пятилетнюю программу, находя место новой заявке. Так было с балетом «Дама с собачкой» Плисецкой, с «Анотой» Васильева.

С появлением филиала будет больше возможностей для приглашения разных балетмейстеров, для экспериментальных работ. Лучшие из них могут быть потом перенесены на основную сцену Большого театра. Опять-таки художественный совет будет это рассматривать. Важно, чтобы обсуждения наши были в духе времени — нетенденциозными, объективными, строгими. Регалии постановщиков, полученные за прежние заслуги, не должны заслонять правду, так же как и их принадлежность к Большому театру.

Еще хотел бы заметить: если мы хотим смелых экспериментов, мы должны быть готовы и к неудачам. Не было и нет таких театров, где создаются сплошные шедевры. Творческий процесс непредсказуем. Никакие самые подробные обсуждения экспликации спектакля никогда не выявляют, какой на сцене предстанет постановка, тем более балетная. Но при всей строгости оценки конечного результата неудача не должна восприниматься как катастрофа ни для постановщика лично, ни для театра в целом. Здесь велика ответственность художества, и велика роль наших общественных организаций, призванных воспитывать честное, непродвинутое, чуждое эгоистических амбиций отношение к новому работам, к новым балетмейстерам.

Надеюсь, найдутся оригинальные таланты и в молодом поколении балетмейстеров. Наряду с ними мы будем приглашать и известных хореографов со стороны.

Корреспондент: Сегодня расширяются международные контакты нашей страны. Несомненно, это коснется балетного искусства, да же касается. Известно, что сейчас в Ленинграде, в Театре имени Кирова, работает французский балетмейстер Морис Бежар. Предполагаются ли такого рода приглашения в Большой театр?

Григорович: Самое любопытное, что первым, кто некогда предложил пригласить Бежара,

был я. Но были иные времена, я не нашел поддержки. Такая же участь постигла и мои предложения о приглашении Сергея Лифара, Джорджа Балаичина.

Но сегодня у Большого театра уже есть договоренность с американскими хореографами Робертом Джоффри, Артуром Митчеллом — это руководитель труппы «Танцевальный театр Гарлема». Дал согласие ставить у нас балет «Сирано де Бержерак» французский хореограф Ролан Пети, «Гибель розы» которого много лет идет на сцене Большого. Приглашен для постановки Альберто Алонсо (Куба). Разумеется, все это будет не сразу, и не в один год. Первым нашим гостем должна стать уже в следующем сезоне Кирстен Ралов, знаток творчества датского классика Августа Бурновилля. Она и осуществит постановку одного из бурновиллевских балетов. Такие приглашения не просто интересны для наших артистов, для зрителей, это принципиально важно. За рубежом достаточно широко пользуются опытом советского балета. Мы часто гастролируем, немало наших спектаклей снято зарубежными кино- и видеофирмами, немало советских педагогов работают в разных странах. Пора и нам расширять знакомство с творчеством западных балетмейстеров.

Корреспондент: Вы несколько раз упоминали о роли общественных организаций. Их работа сейчас тоже обновляется. Как это происходит у вас в труппе?

Григорович: Обновляется, и это хорошо, конечно, но у нас иногда даже пытаются идти некоем впереди прогресса. Во всяком случае порой проглядывают те тревожные симптомы, когда демократизация начинает сворачивать в анархию. Как я понимаю, наш коллектив в этом не одинок. И я вполне разделяю ту озабоченность, что высказана людьми, болеющими за театр, — Виктором Розовым, уже упомянутыми в нашей беседе Марком Захаровым, Александром Свободным.

Демократизация порой воспринимается так, что теперь у нас чуть ли не каждый должен немедленно начать руководить балетной труппой, а то и в целом театром. Не вместе с дирекцией театра, руководством балета и оперы, хотя бы сообща делать наше общее дело, а поменять их. Причем вопросы решаются подчас келейно, за закрытыми дверями партбюро, цехкома, а потом уж руководству сообщается о принятых решениях, которые едва ли не вменяются нам в обязанность в приказном порядке.

Вихрь заседаний, обсуждений и, конечно, клубных будоражащих разговоров клубится вокруг вопросов мелких, несерьезных, а порой и вообще бессмысленных.

Вот только один пример. Не советуясь, не переговорив с руководством балета, ни с дирекцией театра, наше балетное партбюро и цехком приняли решение провести в коллективе анкетирование.

Что же это за анкеты, вы думаете? Артисты, ставя «ответки», по пятибалльной системе оценивают своих педагогов. И вот кордебалет — его, естественно, большинство, — где в основном молодые люди, пришедшие в театр из школы, вкупе с другими берутся проставить оценки за «профессиональный уровень», «общую культуру», «воспитанность», к примеру, Галине Сергеевне Улановой. Оценить: какова ее «общественная активность»? И это обращено к великой балерине, перед личностью которой преклоняется мир, к вице-президенту Международного совета танца при ЮНЕСКО?!!

Бывая на гастролях, наши педагоги ведут уроки и репетиции под гром аплодисментов зарубежных артистов. А дома, напрягая мысль, их кровные ученики тщатся оценить, а может, вывести в «пятерочки» Марину Тимофеевну Семенову, Раису Степановну Стручкову, Асафа Михайловича Мессерера (кстати, автора учебника по методике мужского танца), Николая Борисовича Фадеева. Да каждый из преподающих прожил целую жизнь в искусстве, все танцевали в Большом, где некоторые из оценщиков делают еще только-только первые шаги.

Корреспондент: «Предательство учеником учителя — величайшее из предательств», — пишет Розов, рассказывая об обстановке, созданной вокруг Анатолия Эфроса. Неужели ваши артисты заполнили эти анкеты?

Григорович: Не все. Замечательная балерина Людмила Семеняка просто разорвала анкету, считая, что не вправе оценивать своих учителей. Были и другие, кто отказался участвовать в этой акции, иначе не скажешь. А многие участвовали. Одни по недоразумению, полагая — раз велит, значит, надо, не нарушали, как говорится, дисциплину. Для иных же открылась возможность сведения счетов, удовлетворения уязвленного тщеславия. Ведь самое главное: анкеты были без подписи, то есть, проща говоря, анонимны с баллами. И это в век гласности! Допускаю, у артиста могут возникнуть свои проблемы с кем-то из педагогов. Так и надо их решать открыто, конкретно и, главное, на компетентном уровне, тогда только проблемы и решатся.

И еще — уже анекдотичное: анкета же была механически заимствована на... станкостроительном заводе имени Орджоникидзе!

Корреспондент: Но заменили токарные станки на балетные...

Григорович: Вот именно! Я отнюдь не против анкетирования как такового. Но — против доморощенности, я за анкеты, научно разработанные учеными-социологами. Такие анкеты могут принести пользу. А «мероприятие», проведенное у нас, ничего, кроме вреда, принести не могло. Оно взбудоражило труппу, посеяло недоверие, возмутило педагогов и даже вызвало у некоторых настроение оставить театр. Считаю то, что произошло, оскорбительно для моих коллег и глубоко безразлично. Многие поняли это, но уже после того, как анкетирование состоялось.

В старину в балете была такая присказка: кто много говорит, тот плохо танцует. Приходится ее вспомнить.

А нет бы общественным организациям спланировать коллектив, развивать высокую ответственность за свое дело, свои поступки, воспитывать понятия долга, чести, совести. Вот это было бы на пользу творчеству.

Работа у нас напряженная, дел много. Предстоит перенос спектаклей во Дворец съездов и филиал. Предстоит гастроли в США, Испанию, Австралию, Индию. Идет большой текущий репертуар. Параллельно ведется постановка балета Дмитрия Шостаковича «Волт», тема которого по новому сценарию — революция, судьбы людей в переломный момент истории. Надо работать и работать! Не в этом ли смысл перестройки?!

Беседу вел
С. ДАВЛЕКАМОВА.